

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

• ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА •

сборник рассказов

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2022

Скандал в Богемии

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Этой Женщиной». Я редко слышал, чтобы он называл её каким-либо другим именем. В его глазах она затмевала всех представительниц своего пола. Не то чтобы он испытывал к Ирэн Адлер какое-либо чувство, близкое к любви. Все чувства, и особенно любовь, были ненавистны его холодному, точному, но удивительно уравновешенному уму. По-моему, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир; но в качестве влюблённого он оказался бы не на своём месте. Он всегда говорил о нежных чувствах не иначе, как с презрительной насмешкой, с издёвкой. Нежные чувства были в его глазах великолепным объектом для наблюдения, превосходным средством сорвать покров с человеческих побуждений и дел. Но для изощрённого мыслителя допустить такое вторжение чувства в свой утончённый и великолепно налаженный внутренний мир означало бы внести туда смятение, которое свело бы на нет все завоевания его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительный инструмент, или трещина в одной из его могучих линз — вот что такое была бы любовь для такого человека, как Холмс. И всё же для него существовала одна женщина, и этой женщиной была покойная Ирэн Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

За последнее время я редко виделся с Холмсом — моя женитьба отделила нас друг от друга. Моего личного безоблачного счастья и чисто семейных интересов, которые возникают у человека, когда он впервые становится господином собственного домашнего очага, было достаточно, чтобы поглотить всё моё внимание. Между тем Холмс, ненавидевший своей цыганской душой всякую форму светской жизни, оставался жить в нашей квартире на Бейкер-стрит, окружённый горами своих старых книг, чередуя недели

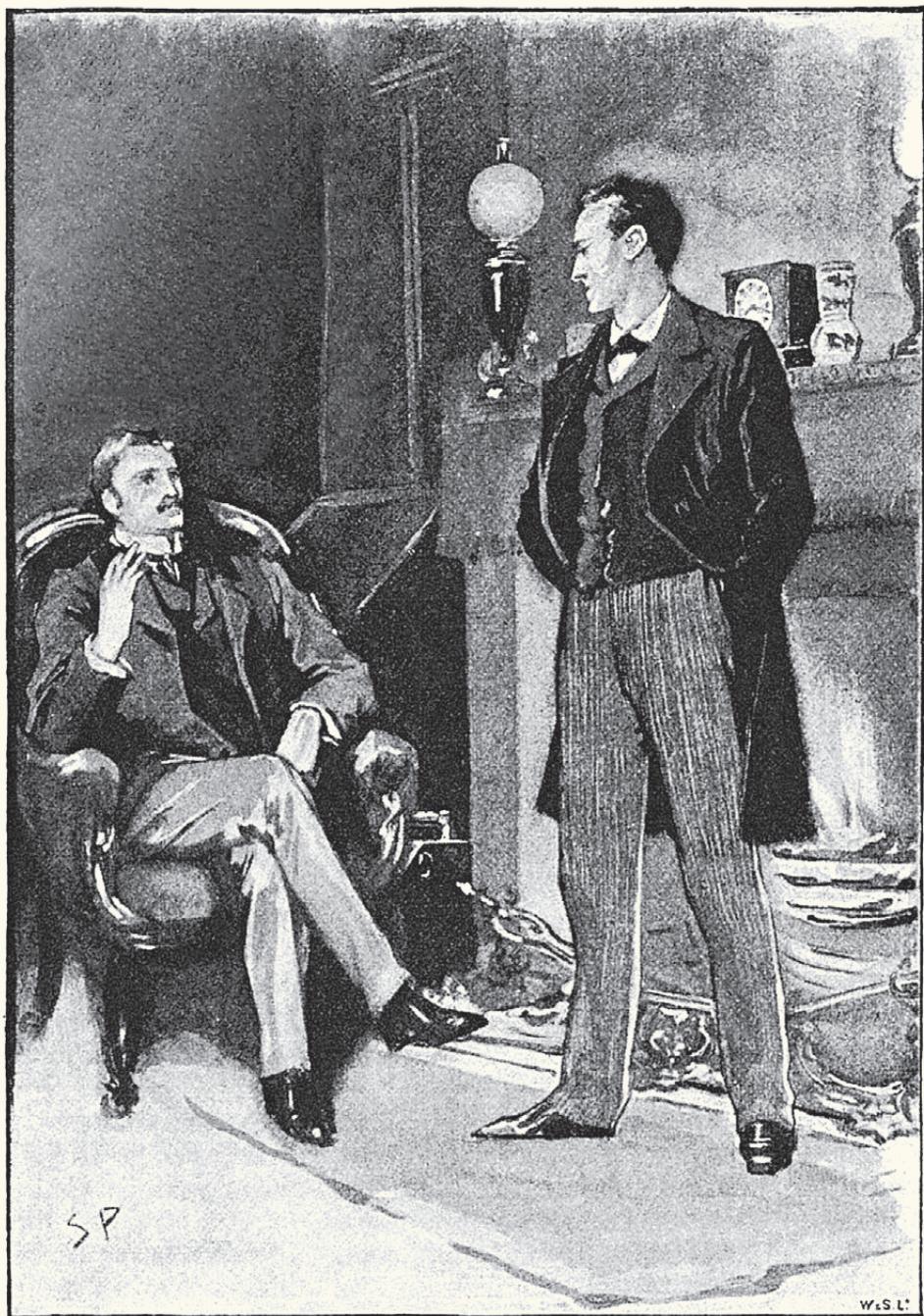
увлечения кокаином с приступами честолюбия, дремотное состояние наркомана — с дикой энергией, присущей его натуре.

Как и прежде, он был глубоко увлечён расследованием преступлений. Он отдавал свои огромные способности и необычайный дар наблюдательности поискам нитей к выяснению тех тайн, которые официальной полицией были признаны непостижимыми. Время от времени до меня доходили смутные слухи о его делах: о том, что его вызывали в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали и, наконец, о поручении голландского королевского дома, выполненном им исключительно тонко и удачно.

Однако, помимо этих сведений о его деятельности, которые я так же, как и все читатели, черпал из газет, я мало знал о моём прежнем друге и товарище.

Однажды ночью — это было 20 марта 1888 года — я возвращался от пациента (так как теперь я вновь занялся частной практикой), и мой путь привёл меня на Бейкер-стрит. Когда я проходил мимо хорошо знакомой двери, которая в моём уме навсегда связана с воспоминанием о времени моего сватовства и с мрачными событиями «Этюда в багровых тонах», меня охватило острое желание вновь увидеть Холмса и узнать, над какими проблемами нынче работает его замечательный ум. Его окна были ярко освещены, и, посмотрев вверх, я увидел его высокую, художавую фигуру, которая дважды тёмным силуэтом промелькнула на опущенной шторе. Он быстро, стремительно ходил по комнате, низко опустив голову и заложив за спину руки. Мне, знавшему все его настроения и привычки, его ходьба из угла в угол и весь его внешний облик говорили о многом. Он вновь принялся за работу. Он стряхнул с себя навеянные наркотиками туманные грёзы и распутывал нити какой-то новой загадки. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая когда-то была отчасти и моей.

Он встретил меня без восторженных излияний. Таким излияниям он предавался чрезвычайно редко, но, мне кажется, был рад моему приходу. Почти без слов, он приветливым жестом пригласил меня сесть, подвинул ко мне коробку сигар и указал на погребец, где хранилось вино. Затем он встал перед камином и оглядел меня своим особым, пронизательным взглядом.

его частых посещений? Кто она: его клиентка? Его друг? Его возлюбленная? Если она его клиентка, то, вероятно, отдала ему на хранение ту фотографию. Если же возлюбленная — едва ли. От решения этого вопроса зависит, продолжать ли мне работу в Брайони-лодж или обратить внимание на квартиру того джентльмена в Темпле. Этот вопрос очень щекотлив и расширяет поле моих розысков... Боюсь, Ватсон, что надоедаю вам этими подробностями, но, чтобы вы поняли всю ситуацию, я должен открыть вам мои мелкие затруднения.

— Я внимательно слежу за вашим рассказом, — ответил я.

— Я всё ещё взвешивал в уме это дело, когда к Брайони-лодж подкатил изящный экипаж и из него выскочил какой-то джентльмен, необычайно красивый, усатый, смуглый, с орлиным носом. Очевидно, это и был тот субъект, о котором я слышал. По-видимому, он очень спешил и был крайне взволнован. Приказав кучеру ждать, он пробежал мимо горничной, открывшей ему дверь, с видом человека, который чувствует себя в этом доме хозяином.

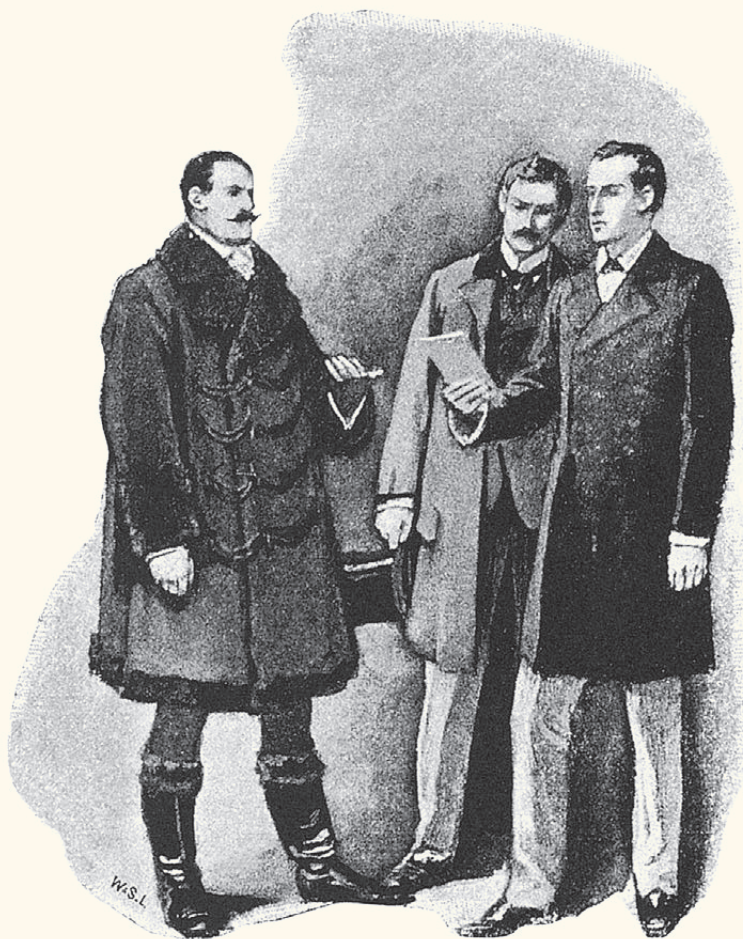
Он пробыл там около получаса, и мне было видно через окно гостиной, как он ходит взад и вперёд по комнате, возбуждённо толкует о чём-то и размахивает руками. Её я не видел. Но вот он вышел на улицу, ещё более взволнованный. Подойдя к экипажу, он вынул из кармана золотые часы и озабоченно посмотрел на них. «Гоните, как дьявол! — крикнул он кучеру. — Сначала к Гроссу и Хенке на Риджент-стрит, а затем к церкви Святой Моники на Эджвер-роуд. Полгинеи, если доедете за двадцать минут!»

Они умчались, а я как раз соображал, не последовать ли мне за ними, как вдруг к дому подкатило прелестное маленькое ландо*. Пальто на кучере было полузастёгнуто, узел галстука торчал под самым ухом, а ремни упряжи выскочили из пряжек. Кучер едва успел остановить лошадей, как Ирэн выпорхнула из дверей виллы и вскочила в ландо. Я видел её лишь одно мгновение, но и этого было довольно: очень миловидная женщина с таким лицом, в которое мужчины влюбляются до смерти. «Церковь Святой Моники, Джон! — крикнула она. — Полгинеи, если доедете за двадцать минут!»

Это был случай, которого нельзя было упустить, Ватсон. Я уже начал раздумывать, что лучше: бежать за ней вслед или прицепиться к задку ландо, как вдруг на улице показался кеб. Кучер дважды посмотрел на такого

* Л а н д о — открытая коляска, запряжённая парой лошадей.

— Благодарю, ваше величество. В таком случае с этим делом покончено. Имею честь пожелать вам всего лучшего.

Холмс поклонился и, не замечая руки, протянутой ему королём, вместе со мною отправился домой.

Вот рассказ о том, как в королевстве Богемии чуть было не разразился очень громкий скандал и как хитроумные планы мистера Шерлока Холмса были разрушены мудростью женщины. Холмс вечно подшучивал над женским умом, но за последнее время я уже не слышу его издевательств. И когда он говорит об Ирэн Адлер или вспоминает её фотографию, то всегда произносит, как почётный титул: «Эта Женщина».

Союз рыжих

Это было осенью прошлого года. У Шерлока Холмса сидел какой-то пожилой джентльмен, очень полный, огненно-рыжий. Я хотел было войти, но увидел, что оба они увлечены разговором, и поспешил удалиться. Однако Холмс втащил меня в комнату и закрыл за мной дверь.

— Вы пришли как нельзя более кстати, мой дорогой Ватсон, — приветливо проговорил он.

— Я боялся вам помешать. Мне показалось, что вы заняты.

— Да, я занят. И даже очень.

— Не лучше ли мне подождать в другой комнате?

— Нет, нет... Мистер Уилсон, — сказал он, обращаясь к толстяку, — этот джентльмен не раз оказывал мне дружескую помощь во многих моих наиболее удачных исследованиях. Не сомневаюсь, что и в вашем деле он будет мне очень полезен.

Толстяк привстал со стула и кивнул мне головой; его маленькие, заплывшие жиром глазки пытливо оглядели меня.

— Садитесь сюда, на диван, — сказал Холмс.

Он опустился в кресло и, как всегда в минуты задумчивости, сложил концы пальцев обеих рук вместе.

— Я знаю, мой дорогой Ватсон, — сказал он, — что вы разделяете мою любовь ко всему необычному, ко всему, что нарушает однообразие нашей будничной жизни. Если бы у вас не было этой любви к необыкновенным событиям, вы не стали бы с таким энтузиазмом записывать скромные мои приключения... причём по совести должен сказать, что иные из ваших рассказов изображают мою деятельность в несколько приукрашенном виде.

— Право же, ваши приключения всегда казались мне такими интересными, — возразил я.

— Не далее как вчера я, помнится, говорил вам, что самая смелая фантазия не в силах представить себе тех необычайных и диковинных случаев, какие встречаются в обыденной жизни.

заметить, что она страстно предана и мужу, и маленькому сыну. Её светло-серые глаза непрестанно переходят с одного на другого, подмечая малейшее желание, которое она тут же предупреждает, если возможно. Он ласков с ней в своей обычной шумно-благодушной манере, и в целом они выглядят счастливой парой. И всё же у неё есть какая-то тайная печаль, у этой женщины. Она часто глубоко задумывается, и её лицо исполняется грусти. Не раз я заставляла её в слезах. Иногда я думала, что расстраивается она из-за природы её сына, так как я никогда ещё не встречала такого забалованного и злобного малыша. Для своего возраста он очень мал, но с непропорционально большой головой. Вся его жизнь слагается из перемежающихся периодов неистовой ярости и угрюмого замыкания в себе. Причинять боль тем, кто слабее его, — вот словно бы единственное его понятие о развлечении, и он проявляет незаурядный талант, изыскивая способы ловить мышей, пташек и насекомых. Но я предпочту не говорить об этом маленьком пакостнике, мистер Холмс, да он и не имеет отношения к сути дела.

— Я рад любым подробностям, — заметил мой друг, — независимо от того, кажутся ли они вам относящимися к делу или нет.

— Я постараюсь не упустить ничего существенного. Одна неприятная особенность дома, которая бросилась мне в глаза немедленно, были внешность и поведение слуг. Их всего двое, муж и жена. Толлер, это его фамилия, грубый неотёсанный мужлан, с седыми волосами и баками, и от него всё время разит спиртным. Дважды с тех пор, как я поселилась у них, он был в стельку пьян, и всё же мистер Ракасл словно ничего не замечал. Его жена очень высокая и сильная женщина с угрюмым лицом, такая же молчаливая, как миссис Ракасл, и куда менее приветливая. Крайне неприятная пара, но, к счастью, большую часть времени я проводила в детской и в моей собственной комнате. Они смежные и расположены в одном из углов здания.

Два дня после моего приезда в «Лесные буки» моя жизнь была тихой и спокойной, на третий миссис Ракасл спустилась сразу после завтрака и что-то шепнула мужу.

«А, да! — сказал он, оборачиваясь ко мне. — Мы крайне обязаны вам, мисс Хантер, что вы настолько потакаете нашим причудам, что даже остригли волосы. Уверяю вас, это и на самую крохотную йоту не умалило вашей красоты. А теперь поглядим, как вам пойдёт платье цвета электрик. Вы найдёте его разложенным на кровати в вашей комнате, и, если вы будете столь любезны надеть его, мы будем вам крайне обязаны».

— Значит, он вернулся и забрал её. Говорю же вам, он хитрый и опасный субъект. Я не очень удивлюсь, если это его шаги я слышу сейчас на лестнице. Думается, Ватсон, вам стоит достать ваш револьвер.

Он ещё не договорил, как в двери появился мужчина, очень дородный и дюжий, с тяжёлой тростью в руке. Мисс Хантер взвизгнула при виде него и прижалась к стене, но Шерлок Холмс одним прыжком оказался перед ним.

— Злодей! — крикнул он. — Где твоя дочь?

Толстяк взглянул по сторонам, а затем на люк.

— Это я у вас должен спросить, — взвизгнул он. — Воры! Воры и соглядатаи. Попались, а? Вы в моей власти, и я вам покажу!

Он повернулся и кинулся вниз по лестнице со всей быстротой, на какую был способен.

— Он бежит за собакой! — вскричала мисс Хантер.

— При мне револьвер, — сказал я.

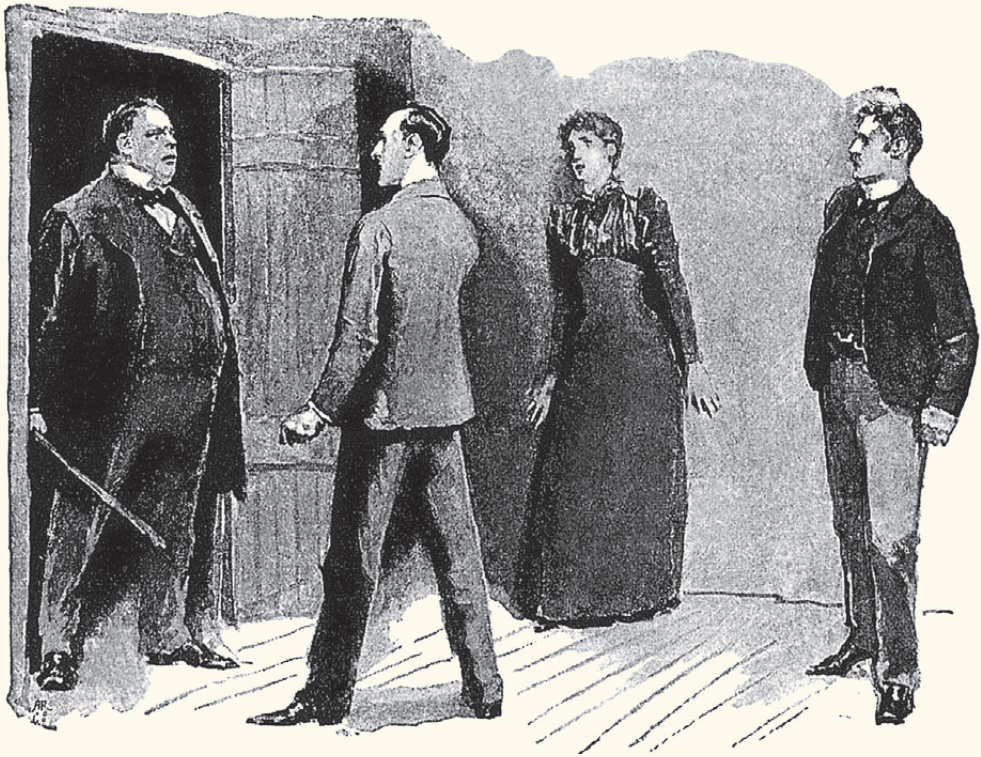
— Надо закрыть входную дверь! — крикнул Холмс, и мы все трое кинулись вниз по лестнице. Мы только-только достигли прихожей, как услышали собачий лай, а затем агонизирующий вопль и глухое рычание, наводившее жуть. Из боковой двери, пошатываясь, вышел мужчина с багровым лицом.

— Господи! — охнул он. — Кто-то выпустил пса. А он уже два дня не кормлен. Быстрей, быстрей, а то поздно будет.

Мы с Холмсом выбежали наружу и завернули за угол дома, а Толлер торопливо ковылял за нами. На земле извивался и стонал Ракасл, а в его горло погрузилась чёрная морда огромного изголодавшегося пса. Подбежав, я разнёс выстрелом его череп, и он рухнул на своего хозяина, всё ещё смыкая острые белые клыки в жирных складках его горла. С большим трудом мы разомкнули их и отнесли его, живого, но тяжело истерзанного, в дом. Уложили на диван в гостиной и отправили протрезвевшего Толлера сообщить о случившемся его жене. Я сделал, что мог, чтобы облегчить ему боль. Мы все стояли возле него, когда дверь открылась, и в комнату вошла высокая костлявая женщина.

— Миссис Толлер! — вскричала мисс Хантер.

— Да, мисс. Мистер Ракасл выпустил меня, когда вернулся, а уж потом поднялся к вам. Эх, мисс, жаль, что вы не сказали мне, чего задумали, я бы сказала вам, что стараетесь вы впустую.

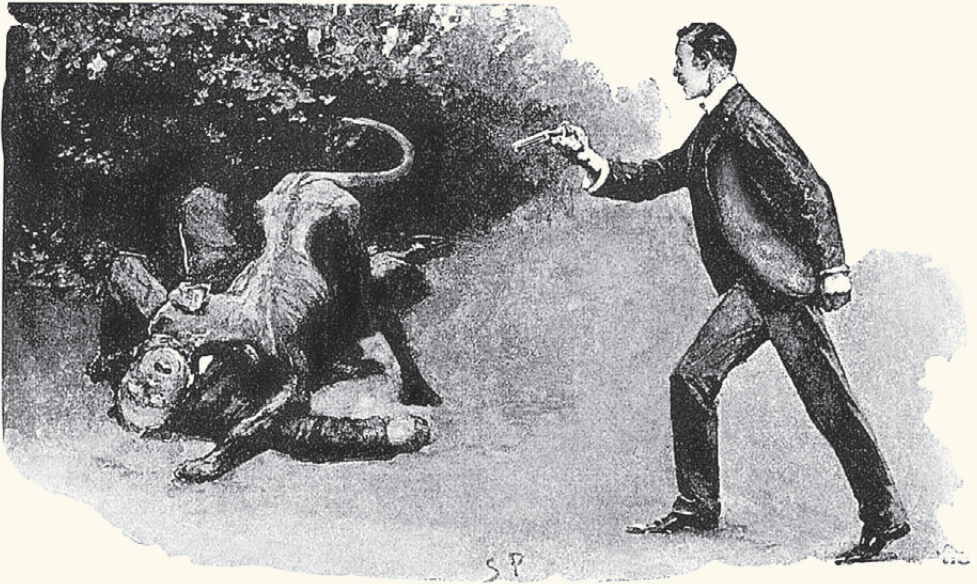
— Ха! — сказал Холмс, впиваясь в неё взглядом. — Ясно, что миссис Толлер знает об этом деле больше кого бы то ни было.

— Да, сэр, так оно и есть, и я готова рассказать вам всё, что знаю.

— Тогда, пожалуйста, сядьте, и мы вас послушаем, потому что, признаюсь, кое-что мне ещё не понятно.

— Я скорёхонько вам всё объясню, — сказала она, — да я и раньше это сделала бы, коли бы сумела выбраться из погребца. Если тут дело до суда дойдёт, вы уж не забудьте, что я подсобила вам, да и мисс Алисе тоже.

Ей плохо дома жилось, мисс Алисе, то есть как только её папаша опять женился. С ней вроде как не считались и слова ей сказать не давали, но по-настоящему худо ей стало, когда она с мистером Фаулером познакомилась у своей подружки. Как я узнала, у мисс Алисы есть по завещанию собственные права, но она такая тихая, покладистая, что никогда о них даже словечком не заикалась, а просто оставляла всё в руках мистера Ракасла. Он знал, что с ней-то поладит, но чуть дело дошло до мужа,

который потребует всё, что ему по закону положено, тут её папаша решил, что этому не бывать. Хотел, чтоб она подписала бумагу, что замужем она или не замужем, а её деньгами будет распоряжаться он. Когда она не послушалась, он начал так её допекать, что с ней приключилась мозговая горячка, и шесть недель не знали, выживет ли она. Наконец ей полегчало, только она совсем исхудала, и её красивые волосы ей остригли. Ну да её молодого человека это никак не остановило, и он остался ей верен, как и следует настоящему мужчине.

— А! — сказал Холмс. — По-моему, то, что вы любезно нам сообщили, достаточно всё прояснило, и остальное я могу установить с помощью дедукции. Мистер Ракасл тогда, я полагаю, и запер её наверху.

— Да, сэр.

— И привёз мисс Хантер из Лондона, чтобы избавиться от опасной настойчивости мистера Фаулера?

— Так и было, сэр.

— Но мистер Фаулер, будучи упорным человеком, как и подобает настоящему моряку, продолжал осаждать дом и, встретившись с вами, сумел с помощью неких аргументов, металлических или ещё каких-то, убедить вас, что ваши интересы совпадают с его собственными.